

ДВУЕЗИЧНО ИЗДАНИЕ

Ф. Достоевски

Маленький герой/Малкият герой

А. Чехов

Ионич/Йонич

Издателство
ПАРИТЕТ

Ф. Достоевский

Маленький герой. Из неизвестных мемуаров

А. Чехов

Ионыч

Издательство „Паритет“, 224 стр.

Билингва – двуезичен текст, написан на езика на оригинала и езика на превода. Билингвалното четене е един от най-ефективните методи за увеличаване на речниковия състав. Благодарение на контекста и повторенията новите думи се запомнят много по-лесно. Последните изследвания показваха, че четенето на двуезични книги активира областта на главния мозък, вследствие на което овладяването на новия език става по-лесно.

Ф. Достоевски

Малкият герой. Из неизвестни мемоари

Превод: Дона Минчева

А. Чехов

Йонич

Превод: Пелин Велков

Издателство „Паритет“ 224 стр.

Всички права са защитени. Никаква част от тази книга не може да бъде възпроизведена в каквато и да е форма без писменото разрешение на притежателя на авторските права.

ISBN 978-619-153-605-4

Достоевски написа свој расказ в Петропавловската крепост, кога ждал суда и приговора. Он расказал историја на 11-годишно момче, во чија душа се зарожда чувство на љубов-преданост, љубов-самоотверженост кон младата господарка на дворянското имение.

Идеите на Чехов, особеностите на неговите персонажи, живописната реч – сè тоа може да се најде во расказот „Ионич“. Старцев, млад лекар, кој има идеали, постепено се превршта во човек, чието единствено стремление става забогатјувањето. Љубовта, чието зарождање е прикажано во расказот, завршува со крах и разочарование.

Достоевски написа свој расказ в Петропавловската крепост, докато е чакал суд и присуда. Тој расказва историјата на 11-годишно момче, во чија душа се зарожда чувство на љубов – преданост, љубов – самоотверженост, кон младата господарка на дворянското имение.

Идеите на Чехов, особеностите на неговите персонажи, живописната реч – сè тоа може да се открие во расказот „Ионич“. Старцев, млад лекар, кој има идеали, бавно се превршта во човек, чието единствено стремление става забогатјувањето. Љубовта, чието зарождање е прикажано во расказот, завршува со крах и разочарование.

Федор Достоевский
МАЛЕНЬКИЙ
ГЕРОЙ

Из неизвестных мемуаров

Фьодор Достоевски
МАЛКИЯТ
ГЕРОЙ

Из неизвестни мемоари

Было мне тогда без малого одиннадцать лет. В июле отпустили меня гостить в подмосковную деревню, к моему родственнику, Т-ву, к которому в то время съехалось человек пятьдесят, а может быть и больше, гостей... не помню, не сосчитал. Было шумно и весело. Казалось, что это был праздник, который с тем и начался, чтоб никогда не кончиться. Казалось, наш хозяин дал себе слово как можно скорее промотать всё свое огромное состояние, и ему удалось-таки недавно оправдать эту догадку, то есть промотать всё, дотла, дочиста, до последней щепки.

Поминутно наезжали новые гости, Москва же была в двух шагах, на виду, так что уезжавшие только уступали место другим, а праздник шел своим чередом. Увеселения сменялись одни другими, и затеям конца не предвиделось. То верховая езда по окрестностям, целыми партиями, то прогулки в бор или по реке; пикники, обеды в поле; ужины на большой террасе дома, обставленной тремя рядами драгоценных цветов, заливавших ароматами свежий ночной воздух, при блестящем освещении,

Тогава бях почти на единадесет години. През юли ме пуснаха да отида на гости в едно близко до Москва село, у моя сродник Т-в, у когото в това време се бяха събрали около петдесет, а може би и повече гости... не помня, не ги броих. Беше шумно и весело. Сякаш беше празник, който е започнал, за да не свърши никога. Сякаш домакинът се беше зарекъл да пропилее колкото се може по-бързо цялото си огромно състояние и той наистина успя да пропилее всичко до шушка, до последната стотинка.

Постоянно пристигаха нови гости. Москва беше на две крачки, пред очите ни, така че заминаващите само отстъпваха място на други, а празникът продължаваше. Развлеченията следваха едно след друго, а хрумванията за нови забави нямаха край. Ту езда из околностите, ту разходки в боровата гора или край реката; излети, обеди в полето; вечери на обширната тераса, заобиколена с три реда красиви цветя, които напояваха с аромат свежия нощен въздух; блестящо осветление, от кое-

от которого наши дамы, и без того почти все до одной хорошенькие, казались еще прелестнее с их одушевленными от дневных впечатлений лицами, с их сверкавшими глазками, с их перекрестною резвою речью, переливавшеюся звонким как колокольчик смехом; танцы, музыка, пение; если хмурилось небо, сочинялись живые картины, шарады, пословицы; устраивался домашний театр. Явились краснобаи, рассказчики, бонмотисты.

Несколько лиц резко обрисовалось на первом плане. Разумеется, злословие, сплетни шли своим чередом, так как без них и свет не стоит, и миллионы особ перемерли бы от тоски как мухи. Но так как мне было одиннадцать лет, то я и не замечал тогда этих особ, отвлеченный совсем другим, а если и заметил что, так не всё. После уже кое-что пришлось вспомнить. Только одна блестящая, сторона картины могла броситься в мои детские глаза, и это всеобщее одушевление, блеск, шум – всё это, доселе невиданное и неслыханное мною, так поразило меня, что я в первые дни совсем растерялся и маленькая голова моя закружилась.

то нашите дами, и без това почти всички до една красавици, изглеждаха още по-прелестни със своите оживени от дневните впечатления лица, със светналите си очи, с бързата си и игрива реч, преливаща в мелодичен като звън смях; танци, музика, песни; ако небето се смръщваше, измисляха се живи картини, га-танки, пословици; организираше се домашен театър. Появяваха се майстори на фразата, разказвачи, шегобийци.

Няколко лица рязко изпъкнаха на преден план. Разбира се, злословието и клюките съществуваха, както си му е редът, понеже без тях животът е невъзможен и милиони личности биха измрели от скука като мухи. Но тъй като бях единадесетгодишен, аз не забелязвах тогава тези личности, записан съвсем от друго или и да забелязвах нещо, то не беше всичко. Едва по-късно ми се наложи да си припомня туй-онуй. Само блестящата страна на околната картина можеше да обърне внимание на моите детски очи и това всеобщо оживление, блясък, шум – всичко невиджано и нечувано дотогава от мене, така ме беше поразило, че в първите дни бях съвсем объркан и моята малка глава се замая.

Но я всё говорю про свои одиннадцать лет, и, конечно, я был ребенок, не более как ребенок. Многие из этих прекрасных женщин, лаская меня, еще не думали справляться с моими годами. Но – странное дело! – какое-то непонятное мне самому ощущение уже овладело мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сих пор незнакомое; и неведомое ему; но отчего оно подчас горело и билось, будто испуганное, и часто неожиданным румянцем обливалось лицо мое. Порой мне как-то стыдно и даже обидно было за разные детские мои привилегии. Другой раз как будто удивление одолевало меня, и я уходил куда-нибудь, где бы не могли меня видеть, как будто для того, чтоб перевести дух и что-то припомнить, что-то такое, что до сих пор, казалось мне, я очень хорошо помнил и про что теперь вдруг позабыл, но без чего, однако ж, мне покуда нельзя показаться и никак нельзя быть.

То, наконец, казалось мне, что я что-то затаил от всех, но ни за что и никому не сказывал об этом, затем что стыдно мне, маленькому человеку, до слез. Скоро среди вихря, меня окружавшего, почувствовал я какое-то одиночество. Тут были и другие дети, но все – или гораздо моло-

Но аз продължавам да говоря за моите единадесет години и, разбира се, бях дете, нищо повече от дете. Когато ме галеха, много от тези прекрасни жени още не мислеха да питат за годините ми. Но – чудно нещо! Някакво непонятно за самия мене чувство ме беше завладяло; нещо като леко туптене в сърцето ми; непознато и неизвестно за него досега; но защо то понякога гореше и биеше като изплашено и често лицето ми се заливаше с внезапна руменина. Понякога се срамувах и дори се обиждах от най-разнообразните си детски привилегии. Друг път сякаш ме обземаше изумление и аз се отдалечавах някъде, където не можеха да ме видят, сякаш за да си поема дъх и да си спомня нещо, което досега помнех много добре и което сега внезапно бях забравил, но без което все още не можех да се появя или съвсем не можех да живея.

Тогава, най-накрая, ми се стори, че съм скрил нещо от всички, но не казах на никого за това, защото, аз – малкият човек, се срамувах до сълзи. Скоро, сред вихъра, който ме заобикаляше, почувствах някаква самота. Тук имаше и други деца, но всички те бяха или

же, или гораздо старше меня; да, впрочем, не до них было мне. Конечно, ничего б и не случилось со мною, если б я не был в исключительном положении. На глаза всех этих прекрасных дам, я всё еще был то же маленькое, неопределенное существо, которое они подчас любили ласкать и с которым им можно было играть как с маленькой куклой. Особенно одна из них, очаровательная блондинка, с пышными, густейшими волосами, каких я никогда потом не видел и, верно, никогда не увижу, казалось, поклялась не давать мне покоя. Меня смущал, а ее веселил смех, раздававшийся кругом нас, который она поминутно вызывала своими резкими, взбалмошными выходками со мною, что, видно, доставляло ей огромное наслаждение. В пансионах, между подругами, ее наверно прозвали бы школьницей. Она была чудно хороша, и что-то было в ее красоте, что так и металось в глаза с первого взгляда. И, уж конечно, она непохожа была на тех маленьких стыдливеньких блондиночек, беленьких, как пушок, и нежных, как белые мышки или пасторские дочки. Ростом она была невысока и немного полна, но с нежными, тонкими линиями лица, очаровательно нарисованными.

много по-малки, или много по-големи от мен, но не ми пукаше за тях. Разбира се, нищо нямаше да ми се случи, ако не бях в изключително положение. В очите на всички тези красиви дами аз бях все същото малко, несигурно създание, което те понякога обичаха да галят и с което можеха да си играят като с малка кукла. Особено една от тях, очарователна блондинка с буйна, гъста коса, каквато никога след това не видях и вероятно никога нямаше да видя, сякаш се беше зарекла да не ми дава покой. Аз се смущавах, а тя се забавляваше от смеха, който избухваше около нас и който от време на време предизвикваше с острите си закачки с мен, които, очевидно ѝ доставяха голямо наслаждение. В някой пансион, между приятели, вероятно щяха да я вземат за ученичка. Беше удивително красива, а в красотата ѝ имаше нещо, което привличаше вниманието от пръв поглед. Със сигурност не приличаше на онези срамежливи блондинки, бели като пух и нежни като бели мишки или като пасторски дъщери. Беше средна на ръст и леко закръглена, но с деликатни, фини черти на лицето, очарователно изрисувани.

Что-то как молния сверкающее было в этом лице, да и вся она – как огонь, живая, быстрая, легкая. Из ее больших открытых глаз будто искры сыпались; они сверкали, как алмазы, и никогда я не променяю таких голубых искрометных глаз ни на какие черные, будь они чернее самого черного андалузского взгляда, да и блондинка моя, право, стоила той знаменитой брюнетки, которую воспел один известный и прекрасный поэт и который еще в таких превосходных стихах поклялся всей Кастилией, что готов переломать себе кости, если позволят ему только кончиком пальца прикоснуться к мантилье его красавицы. Прибавь к тому, что моя красавица была самая веселая из всех красавиц в мире, самая взбалмошная хохотунья, резвая как ребенок, несмотря на то что лет пять как была уже замужем. Смех не сходил с ее губ, свежих, как свежа утренняя роза, только что успевшая раскрыть, с первым лучом солнца, свою алую, ароматную почку, на которой еще не обсохли холодные крупные капли росы.

Помню, что на второй день моего приезда был устроен домашний театр. Зала была, как говорится, набита битком; не было ни одно-

Нещо блестящо като мълния имаше в това лице, пък и цялата тя беше като огън – жива, пъргава, лека. От големите ѝ ясни очи сякаш се сипеха искри: те светеха като елмази и аз никога не бих заменил такива сини искрящи очи за каквито и да било черни, пък били те и по-черни от най-черния андалуски поглед, пък и моята блондинка наистина струваше повече отколкото онази прочута брюнетка, възпята от един знаменит и прекрасен поет, който освен това в такива великолепни стихове се кълне пред цяла Кастилия, че е готов да си строчи главата, ако му позволят да се докосне само с крайчеца на пръста си до покривалото на своята красавица. Прибавете и това, че „моята“ красавица беше най-веселата от всички красавици на света, най-дръзката присмехулвица, палава като дете, въпреки че вече беше омъжена от пет години. Смехът не слизаше от устните ѝ, свежи, както е свежа утринната роза, току-що успяла да разтвори с първия слънчев лъч своята пурпурна, ароматна пъпка, върху която не са изсъхнали още студените, едри капки роса.